

**Федеральный президент Германии
Франк-Вальтер Штайнмайер
на премьере фильма «Die Wannseekonferenz»
18 января 2022 г.
в Берлине**

Фильм, который мы сейчас увидим, впечатляюще хороший, но в то же время тяжелый и тревожащий фильм. Начальный дискомфорт от фильма переходит в ужас, такими по крайней мере были мои ощущения, и этот ужас продолжается еще долго после того, как закончатся титры фильма и почернеет экран.

Тот, кто затем - как мы сегодня - выходит из кинотеатра на улицу или смотрит по телевизору передачу новостей, замечает: в течение раздражающе длительного мгновения знакомая речь кажется незнакомой. Она вызывает недоверие. Вызывает беспокойство, что казенный немецкий язык, на котором говорят в фильме, содержит те же слова, которые мы слышим здесь и сейчас, будь то на улице или по телевизору.

Отчего возникает такой дискомфорт, откуда такое недоверие?

Фильм показывает рабочее совещание высокопоставленных представителей полиции и администрации национал-социалистского государства, которому было суждено стать частью истории Германии под названием «Ванзейская конференция». Фильм показывает совещание, каким оно могло быть, так как мы не знаем, что и каким образом действительно было сказано на этом совещании.

Гейдрих по поручению Гёринга пригласил участников к «совещанию с последующим завтраком». Во время обсуждений убийств, элиминации, уничтожения подавали коньяк, рассказал Адольф Эйхман на допросе в Иерусалиме.

Фильм Матти Гешоннека является во многом дословной, возможно наиболее точной из всех, адаптацией протокола Ванзейской конференции.

То, что мы видим - это бесперебойно работающий административный аппарат, межведомственные согласования, проекты документов и процедуры, которые - если не принимать во внимание их содержание - ничем не отличаются от тех, что до сих пор существуют в министерствах и ведомствах.

Именно эти обыкновенные и знакомые элементы бросаются в глаза, ввергают в ужас, внушают неуверенность. То, что Гешоннеку удалось - изобразить банальность зла.

Ванзейская конференция является запечатлённым историческим моментом, демонстрирующим административную подоплёку Холокоста. Специалист по истории права, юрист Ганс-Кристиан Яш, воспринимает её как предостережение, в том числе и нашему современному, основанному на разделении труда обществу, чьи бюрократические и политические структуры защищены от злоупотребления ими только до тех пор, пока стабильная демократическая конституция отделяет не менее стабильное правительство и администрацию, с одной стороны, от идеологической пропасти, с другой стороны.

Где именно пролегла эта пропасть можно прежде всего понять по языку протокола Ванзейской конференции. Язык являет собой как средство отождествления, так и средство создания дистанции. При помощи слов можно стать частью какого-либо дела либо дистанцироваться от него. В протоколе Ванзейской конференции это происходит иным, возможно даже более радикальным, образом. В нем каждое слово отрицает свою непосредственную функцию. Оно ничего не обозначает. Оно стремится скрыть факты и измельчить ответственность до едва заметных частиц.

Таким образом совещание, каким его отражает протокол, превращается в странную, порой даже причудливую, инсценировку. Каждый участник, взявший слово, стремится отличиться от остальных. Стремится заявить о своей ценности, о своём значении и значении своего ведомства для национал-социалистского государства, предлагая собственные идеи и представления; но в то же время, словами все же создает дистанцию между собой и тем, о чём говорит и к чему причастен.

Участники Ванзейской конференции, также, как и мы сегодня, прекрасно знали, о чем они тогда не хотели говорить прямо, а именно, о том, что предметом совещания было «полное устранение европейских евреев», как в то время записал в своём дневнике Йозеф Гёббельс, прочитав протокол конференции, подразумевая спланированное до мелочей убийство одиннадцати миллионов человек. Они тогда уже давно приняли решение по этому мероприятию и к моменту Ванзейской конференции, особенно после начала войны уничтожения против Советского Союза в июне 1941 года, исполнили его уже сотни тысяч раз.

Тот, кто считает, что роль регулирующей и компенсаторной инстанции, которую выполняет современное государство и его администрация, представляет собой цивилизационный прогресс, будет вынужден констатировать, что 15 страниц «протокола об итогах» свидетельствуют о возвращении государства в эпоху варварства, выражаемое тщательно взвешенными словами.

Протокол демонстрирует, как сам язык становится орудием убийства. Он служит в равной степени как абстрагированию, так и маскированию конкретного плана, для того чтобы геноцид стал «пригодным для административного общения», как пишет Ганс-Кристьян Яш, и таким образом «удобным в административном делопроизводстве». Язык позволил многим безымянным лицам, от рядового чиновника-администратора до сотрудника имперской канцелярии или министерства иностранных дел, до машиниста и полицейского принять участие в депортации и убийстве миллионов евреев, не обременяя их совести. Но язык сделал также из миллионов немцев безмолвных свидетелей.

Протокол Ванзейской конференции - орудие преступления. Следы, оставленные протоколом, заметны до сих пор.

Персонажи Матти Гешоннека не действуют словно карикатуры нацистских приспешников, как бывает в других фильмах на эту тему, они действуют как те, кем они и являлись в период с 1939 по 1945 гг., а двое из них даже после 1945 года - юристы и чиновники администрации.

Например, Герхард Клопфер, руководитель третьего управления партийной канцелярии, вероятно, один из наиболее влиятельных чиновников национал-социалистского государства, посредник между партией и государством. В процессе по делу Вильгельмштрассе он утверждал, что на конференции обсуждалась исключительно «эмиграция евреев». Обвинение возразило, что «складывается впечатление, что вам тогда очень четко сказали, что должно случиться с евреями», на что он ответил: «Я ничего об этом не знаю».

«Я об этом ничего не знал» - как часто давался этот ответ после 1945 года.

Тот, кто задастся вопросом о том, какими были эти 15 мужчин, участвовавшие в Ванзейской конференции, придёт, согласно научным исследованиям, к следующему выводу. Это мужчины, преуспевшие на государственной службе, репрезентативная выборка административной элиты. Десять из них имели ученную степень. Девять из пятнадцати прошли профессиональное обучение в сфере юриспруденции или государственного управления. Восемь из них имели докторскую степень.

Воспринимая себя как юристов, их ничуть не смущало национал-социалистское расовое мышление, ведь цель юриспруденции и идеологии национал-социалистского государства заключались не в равенстве всех перед законом и не в защите индивидуума. «Законно то, что полезно народу» - такой подход преследовал цель обособления, цель «расового отбора».

Необходимая для профессиональной деятельности и карьеры процедура денацификации для административной элиты после 1945 года проходила зачастую без последствий, ее члены защищали друг друга от уголовного преследования. Это удручающая глава в истории правосудия и администрации Германии. Так в наше время перед судом еще предстают немногие преклонного возраста приспешники холокоста, в то время как многие из числа их начальников за всю свою жизнь так и не понесли ответственность за свои деяния.

Почему маховик убийств национал-социализма сработал в таком совершенстве? И что значит личная ответственность в диктатуре? Этот вопрос был одним из вопросов, возможно самый главный, в жизни Ханы Арендт. Она показывает нам, что тоталитарные системы не заключают пакт с абсолютным злом, демонами и извергами; в этих системах в зацеплении друг с другом вращаются так много шестеренок, что ответственность отдельного человека становится невидимой и сознание неправомерности действий уже не существует. Банальность зла заключается в бездушной бюрократии диктатуры, в «правлении Никого», пишет Хана Арендт.

Цель любого напоминания о преступлениях национал-социалистского государства заключается в том, чтобы подобное не повторилось. В нашем демократическом государстве каждый отдельный человек несет ответственность, это касается и чиновников в иерархически организованной министерской администрации. Давайте откажемся быть Никем. Не будем уклоняться от ответственности. В том числе и от ответственности сказать «нет!», когда право и гуманность требуют этого.